

УДК: 81'42

DOI: 10.17223/19986645/38/6

И.А. Пушкарева

ЦЕННОСТНОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ТЕМЫ «ДОСТОЕВСКИЙ В КУЗНЕЦКЕ» В ГОРОДСКОЙ ГАЗЕТЕ «КУЗНЕЦКИЙ РАБОЧИЙ» КОНЦА XX В.: СЕМАНТИКО-СТИЛИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ¹

Статья посвящена изучению специфики регионального медиадискурса. На материале текстов 1980–2001 гг. рассматривается одна из краеведческих доминант городской газеты «Кузнецкий рабочий» (Новокузнецк) – тема «Достоевский в Кузнецке». Выбор материала исследования позволяет судить о динамике ценностной картины мира россиян в эпоху перемен. Выявлена значимость категории памяти и, соответственно, этической оценки в воплощении исследуемой темы. Рассмотрено возрастание роли критических материалов в эпоху перестройки. Проанализированы две тенденции в стилистическом воплощении образа Кузнецка: обобщение, которое используется в текстах конца XX в. и будет преобладать в материалах XXI в., и конкретизация, более ярко представленная в материалах конца XX в.

Ключевые слова: газетно-публицистический текст, региональный медиадискурс, краеведение, оценка, смысловая лексическая парадигма, изотопическая цепочка.

Для исследования регионального медиадискурса актуальным является вопрос о краеведческих доминантах издания – темах, отражающих региональный колорит и актуализированных системой стилистических средств (о понятии тематических доминант см.: [1. С. 25]). Краеведческие доминанты важны в создании ценностной системы координат издания, изучение которой приобретает особую значимость с развитием аксиологической лингвистики (см. о ней: [2]). Одной из краеведческих доминант городской газеты «Кузнецкий рабочий» (Новокузнецк) является тема «Ф.М. Достоевский в Кузнецке», введённая на рубеже XIX и XX вв. в газете «Сибирская жизнь», предшественнице современных сибирских региональных СМИ, прежде всего благодаря статье В.Ф. Булгакова 1904 г. [3] (об истории «Сибирской жизни» см.: [4]). Как известно, в 1856–1857 гг. Ф.М. Достоевский трижды приезжал в Кузнецк и в третий приезд венчался с М.Д. Исаевой в Одигитриевской церкви 6 февраля 1857 г.

Рассмотрев особенности семантико-стилистического воплощения темы «Достоевский в Кузнецке» в городской газете начала XXI в. на основе материалов 2002–2012 гг., опубликованных на официальном сайте газеты [5–7], считаем целесообразным обратиться к публикациям конца XX в., чтобы сделать выводы о динамике семантико-стилистического воплощения одной из краеведческих доминант издания и, соответственно, о динамике ценностной картины мира россиян в насыщенный общественно-политическими, экономическими изменениями период.

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 15-04-00216.

В газетных публикациях советского периода задаются два основных направления ценностного осмысления темы пребывания Ф.М. Достоевского в Кузнецке, сохраняющиеся до нашего времени: во-первых, роль кузнецких страниц биографии писателя в судьбе города; во-вторых, место «кузнецкого периода» в жизни и творчестве великого писателя. В данной статье обратимся к первому направлению, опираясь на анализ 45 текстов, опубликованных в городской газете «Кузнецкий рабочий» в 1980–2001 гг., и учитывая результаты анализа 54 текстов 2002–2012 гг., представленных на сайте газеты. Семантико-стилистический анализ выполнен в соответствии с подходами коммуникативной стилистики текста – учением о регулятивных средствах [8. С. 167–188] и такой регулятивной структуре (см. об этом: [8. С. 168–169]), как смысловая лексическая парадигма.

Согласно определению Н.С. Болотновой текстовая парадигма – это «совокупность лексических единиц (словных и сверхсловных элементов), объединённых концептуально на основе какого-либо общего элемента: внешнего (экстралингвистического) и / или внутреннего (лингвистического)» [9. С. 40]. Семантическая основа соотносённости компонентов лексической парадигмы на основе повтора и контраста соответствует характеристике таких типов связи в лексических полевых структурах, как связь-вхождение [10. С. 34–35] и связь-расхождение [10. С. 38–39]. В основе смысловых лексических парадигм, реализующих связь-вхождение, лежит явление изотопии, описанное А. Греймасом (1966). «Согласно А. Греймасу, изотопия присутствует там, где имеется “семная рекурренция”, т.е. семный повтор. Другими словами, в разных частях текста (фрагмента текста) повторяются лексемы, несущие в себе одинаковые семы, в результате возникают изотопические цепочки, пронизывающие всю структуру текста (фрагмента текста)» – «изотопическая сеть» (Isotopienetz) [11. С. 260]. В процессе настоящего исследования выявлялись текстовые и межтекстовые смысловые лексические парадигмы – изотопические цепочки, актуализированные благодаря такому типу выдвижения, как повтор, и антитезы, актуализированные благодаря такому типу выдвижения, как контраст. В ходе исследования также уделялось внимание традиционно выделяемым стилистическим приёмам и роли онимов в медиатексте (ономастическая терминология приводится в соответствии со словарём Н.В. Подольской [12]).

В семантико-стилистическом воплощении темы «Достоевский в Кузнецке» в городской газете наблюдаются, с одной стороны, неизменные базовые характеристики и, с другой стороны, акценты, появляющиеся в определённые периоды и позволяющие судить о динамике ценностной картины мира россиян.

Связь Кузнецка с жизнью и творчеством писателя представлена в газетных материалах как чудо, которое можно попытаться объяснить везением или судьбой: *Кузнецку повезло, ведь не каждому городу выпадает на долю, пусть короткое, счастье гения* (А. Трухина, 08.12.1987); *Так случилось, что Новокузнецк оказался хранителем уникального наследия, связанного с жизнью Федора Михайловича Достоевского. Ни один город в стране, за исключением разве что державного Санкт-Петербурга, не может похвастать столь пристальным вниманием, обращённым к нему в течение нескольких*

лет со стороны гениального писателя. *Судьба это или нет, но рвущееся к Кузнецку сердце Достоевского, его венчание здесь с Марией Исаевой не только выделили Кузнецк из числа прочих заштатных городков Сибири, но и возложили на него огромную ответственность за сохранение памяти о столь значительном событии* (В. Валиулин, 12.03.1992). Как видим, контекстуальные изотопическая цепочка «*державный Санкт-Петербург – Кузнецк*» и антитеза «*Кузнецк – прочие заштатные городки Сибири*» позволяют журналисту подчеркнуть, что прикосновение к судьбе Достоевского оставило на городе неизгладимую печать культурной памяти и ответственности.

Связь Кузнецка с жизнью Ф.М. Достоевского рассматривается авторами публикаций в контексте размышлений о чести быть приобщённым к судьбе великого русского писателя и об уважении к истории малой родины, например: *Вообще произведений, связанных с темой истории города, края, у нас ещё очень мало. Для того, чтобы появился интерес к своему прошлому, к своим истокам, нужен определённый уровень зрелости мироощущения и мастерства* (из статьи искусствоведа В. Откидач о произведениях художников-новокузнецчан, посвящённых Ф.М. Достоевскому, 17.03.1981); *Терпением, скрупулёзностью и точностью измерялось уважение к писателю, к реликвиям родного города* (Ю. Некрич, 22.05.1980). Нравственной основой таких размышлений в публикациях разных лет является память, актуализируется этическая оценка (об этической и других разновидностях оценки см.: [13. С. 75–76]); межтекстовый статус приобретает антитеза памяти и беспамятства, забвения. Так, в статье журналиста Ю. Некрич об открытии музея Ф.М. Достоевского *дом в пять окон* охарактеризован как одно из *замечательных и памятных мест нашего города*, открытие дома-музея – как *событие для города большое, волнующее: Новокузнецк дорожит памятью о Достоевском. Теперь эту память хранить дому по улице Достоевского, ставшему музеем* (22.05.1980). Или: *Новокузнецчанам по-особому дорога память о великом русском писателе. <...> Естественно, что творческое воображение художников-новокузнецчан должна волновать память о писателе* (В. Откидач, 17.03.1981); *Дом этот то обрекался на полное забвение, а то и выйдя из этого забвения и даже став памятником республиканского значения, претерпевал унижительные муки современной реставрации, производимой неквалифицированными и малограмотными организациями* (Малькова Н. *Дом Достоевского: забвения быть не может*, 02.06.1994); *Но мне будет обидно, как жителю этого города, если мы обретём очередной дурацкий монумент, недостойный памяти того, чьим пребыванием здесь мы гордимся* (В. Немиров, 14.07.2001).

Для обозначения чтущих память (начиная с эпохи перестройки не меньшее внимание уделяется и обрекающим себя на беспамятство) важны активное включение в газетные материалы образа «мы» и употребление выражения *наш город: Нам, сибирякам, особенно дороги страницы жизни писателя, связанные с его пребыванием на сибирской земле* (Ю. Павлов, 06.11.81); *История этой любви тесно связана с нашим городом, где М.Д. Исаева жила в 1855–1857 гг. и куда приезжал из Семипалатинска Ф.М. Достоевский в 1856–1857 гг.* (Л. Никонова, 20.11.1986). Особой экспрессией употребление местоимения *мы* и глаголов с соответствующим значением наделяется в кон-

текстах, погружающих в атмосферу музея, выставки. Они используются как в текстах нашего времени, так и в художественно-публицистических материалах советского периода. Например, Ю. Некрич, создавая эффект присутствия в музее, обращается к ресурсам художественной публицистики, средства которой помогают создать «монтажные приёмы» [14. С. 217–218] и эмоционально заражают адресата: *На письменном столе – исписанный рукой Достоевского лист, мы не сразу увидим: копия.*

Мы поверим безоговорочно в немусейную подлинность комнаты по соседству, которая именуется в экспозиции «Гостиная М.Д. Исаевой». Поверим вдруг, что мы видели этот зелёного сукна ломберный столик – в «Игроке»? «Идиоте»? (22.05.1980).

При осмыслении темы «Достоевский в Кузнецке» в период перестройки и в более поздних материалах 1990-х гг. сделан акцент на общечеловеческих духовных ценностях, тогда как в начале XXI в. внимание переносится на культурную жизнь города. Отметим, что слово *ценность* в конце XX – начале XXI в. постепенно становится более употребительным в публицистике, о чём свидетельствуют показатели частотности: 51,9 – публицистика 50–60-х гг. XX в., 77,8 – публицистика 70–80-х гг. XX в., 99,2 – публицистика 90-х гг. XX в. и 2000-х гг. [15]. Неоднократно употребляется слово *ценность* и в рассматриваемых материалах, например: *Всё, что связано с именем великого русского писателя Ф.М. Достоевского, приобретает историческую **ценность** во времени, и, следовательно, огромное значение имеет малейший новый факт, неизвестная ранее подробность его биографии* (А. Шадрина, 06.02.1993).

В работах журналистов и представителей общественности ценностным ориентиром становится внимание к жизни и творчеству Ф.М. Достоевского, которое рассматривается как прикосновение к истории и к прекрасному, сохранение общечеловеческого культурного наследия (отметим, что слово *наследие*, в целом более частотное в публицистике, чем в художественной литературе, становится более употребительным в конце XX в.: показатель частотности в публицистике 1950–60-х гг. – 5,9, 1970–80-х – 13,9, 1990–2000-х – 28,5 [15]). Это отражается как в названиях рубрик («*Наше наследие*», «*Радевшие о культуре, о духовном наследии*»), так и в самих газетных текстах: *Здесь пересекаются пути людей самого разного возраста, разных занятий и профессий. Объединяет их интерес к личности Достоевского, любовь к его творчеству. <...> Приходя в музей, посетители часто задаются вопросами, над которыми вечно задумывается человечество* (Л. Никонова, 01.02.1986); *<...> предстоит привести в порядок главные достопримечательности города, являющиеся частью общечеловеческого культурного наследия* (Н. Мальковец, 16.01.1990); *Что ж, проблем названо много, решать их, конечно, надо и, по возможности, быстрее. Чем быстрее город восстановит историко-мемориальную зону, тем быстрее позволит своим жителям прикоснуться к истории, к прекрасному, без которого жизнь наша немыслима* (В. Паничкин, 06.03.1991); *Особое внимание в ходе разговора было уделено состоянию комплексной реставрации ул. Достоевского, в частности усадьбы № 29, где жил великий писатель. Торопиться с работами надо, так как 10 ноября текущего*

года всё цивилизованное человечество будет отмечать 170-летие со дня рождения писателя (В. Паничкин, 06.03.1991).

Ключевая для публикаций 1990-х гг. тема, связанная с темой сохранения культурного наследия, – финансовое неблагополучие. В конце XX в. частотность слова *деньги* возрастает как в художественной литературе, так и в публицистике; словарь приводит следующие показатели частотности в публицистике: 1950–60-е гг. – 206,1, 1970–80-е гг. – 314, 1990–2000-е гг. – 663,6 [15]. Например, тема финансового неблагополучия сосуществует с темой ценностей в аналитической корреспонденции Л. Савицкой: *Грандиозным обещает быть празднование 175-летия со дня рождения Ф.М. Достоевского. Если, конечно, город найдёт соответствующие средства. <...> Где взять деньги? Ко времени ли такое дорогое торжество? Такой вопрос прозвучал. Резонный вроде вопрос. Но есть, есть ценности, ради которых стоит презреть свою нищету, заставляющую думать только о хлебе насущном* (05.03.1996). В контексте с возвышенной лексикой актуализирована антитеза *хлеба насущного* (фразеологизм-библейзм передаёт метонимический образ материальных потребностей человека: перен. «то, что необходимо для пропитания, существования» [16. С. 359]) и особых *ценностей*, одна из которых – память о пребывании Достоевского в нашем городе.

Как уже говорилось, в период перестройки актуализируется пейоративная оценка беспамятных потомков, в которой доминирует этическое начало. Так, в статье искусствоведа и краеведа А.С. Шадринной эмотивный смысл глубокого возмущения помогают передать антитезы «старинное кузнецкое кладбище – сад алюминщиков» и «бульдозер – кресты и надгробия»: *Е.И. Тюменцев [священник, венчавший Ф.М. Достоевского и М.Д. Исаеву] скончался в 1898 году, место захоронения его неизвестно. Можно только предполагать, что это могло быть у стен Одигитриевской церкви, Преображенского собора или на старинном кузнецком кладбище, которое неблагодарные потомки превратили в сад алюминщиков, пройдясь бульдозером по крестам и надгробиям своих предков* (А. Шадрина, 07.06.1990). В актуализации второй антитезы проявляется важная роль в публицистическом тексте образа, выраженного конкретным именем существительным, которое несёт в контексте одновременно прямое значение и богатую коннотативную информацию. Употребляя такие образы, публицист не только создаёт фактографичность, значимую для «летописи современности», но и усиливает воздействие на адресата, поскольку наряду с предметным смысловым уровнем актуализируются образный и концептуальный.

Журналист В. Валиулин, раскрывая тему беспамятства, объединяет кузнечан и новокузнечан и с помощью прямой речи создаёт обобщённый образ обывателя: *Нельзя сказать, что жители Кузнецка, а после своего нового рождения – Новокузнецка, слишком гордились этим обстоятельством. Возможно, судили так: «Ну, обвенчался бывший каторжный и обвенчался. Мало ли их, горемычных, тут прошло. Всех не пересчитаешь»* (12.03.1992). В данном эмоционально-экспрессивном контексте, как и в материале А.С. Шадринной, используется противопоставление, причём в него включены не отдельные элементы, образующие смысловые оппозиции, а изотопические цепочки, которые отражают оценочную позицию автора, тревогу о псевдонаполнении

души. Противопоставлены ряд, связанный с духовностью, Богом («*церковь – освятившая – страдальческие*»), и ряд, передающий смыслы революционно-советского поправа и разрушения, – «*угар всеобщего очищения – строительно-промышленный пафос – снесли*»: Тем более, что саму церковь, освятившую брак двух страдальческих сердец, в угаре всеобщего очищения снесли, а души наполнились новым, строительно-промышленным пафосом, не оставлявшим места для идейных исканий. Так и прошло более века без имени Достоевского (В. Валиулин, 12.03.1992). Прагматическую роль в контексте играет метафора *угара*, передающая безумное, болезненное, опасное для жизни, для души состояние.

Соотнесение темы беспамятства не только с современниками, но и с жителями дореволюционного Кузнецка происходит и в статье, где А.С. Шадрин рассматривает образы Кузнецка и кузнечан в газете «Сибирская жизнь». Автором приводится фрагмент публикации от 21 мая 1899 г.: *Со временем, когда где-то там заговорят о Достоевском и память о нём будет праздноваться, тогда и мы вспомним, что он посещал г. Кузнецк и даже здесь венчался с первой своей женой в Богородицкой церкви. Удивительно, право, как мало мы умеем понимать значение наших деятелей и сохранять воспоминания о них. Когда я ехал в Кузнецк, то надеялся собрать много сведений о Ф.М. Достоевском, и каково же было моё удивление, когда на мои расспросы о нём старожилы предлагали мне вопрос: “Чьи они будут этот г. Достоевский...”*

Обидно стало на душе после таких курьёзов, тем более обидно, что за границей я был очевидцем совершенно иного отношения к знаменитым людям. Там чтут и сохраняют в памяти каждую мелочь, раз она касается знаменитости, не только своей, но и чужой... Вытекает это из уважения к личности, из привычки держать чистым колодезь, из которого пьём...» (А. Шадрин, 20.02.1993). Краевед эмоционально выражает своё полное согласие с изложенной концепцией: *Можно ли сказать лучше, чем это сделал томский корреспондент?! Этическое основание оценки, как видим, связано с уважением к личности. Отметим сохранившуюся и в современных публикациях роль оценочных антитез, сопоставляющих несовершенное своё с другим, могущим стать образцом для подражания.*

С. Анциферова в статье «*Благоустройство улиц и души*», заголовок которой актуализирует этическую оценку с помощью силлениса, повторяет курьёзную историю, рассказанную корреспондентом «Сибирской жизни»: *Около ста лет назад в газете «Сибирская жизнь» была опубликована статья о городе Кузнецке. Её автор сообщил читателям: даже городские старожилы не знают, «чьи они будут, этот господин Достоевский» (14.06.2001). Композиционную роль в материале играет изотопическая цепочка «около ста лет назад – нынче, в преддверии 180-летнего юбилея писателя», которая позволяет автору перейти к ироничному изложению грустной истории о беспамятстве некоторых современных новокузнечан: *Но и сегодня не все из новокузнечан, по-видимому, знают, «чьи они будут, этот господин...». Так уж сложилась история мемориальной улицы – те, кто живёт сегодня на близлежащей территории, на Форштадте, в большинстве своём особой любви к классической литературе не питают. Посему и проблемы**

сохранения памяти и культурного наследия знаменитого писателя им совершенно мимо жизни. Трое из пятерых прохожих, у которых мы в качестве эксперимента спрашивали дорогу к музею Достоевского, стоя в двух шагах от дома номер сорок на улице его имени, недоумевающе пожали плечами. Затем автор актуализирует антитезу, противопоставляющую беспмятных новокузнецчан и жителей других стран, чтущих память о писателе, при этом важную регулятивную роль играют соответствующие хоронимы и антропонимы: *О том, где расположен этот дом, гораздо лучше осведомлены некоторые граждане во **Франции, Америке** и даже в **Японии**. Вот пример: по словам сотрудников музея, одного из самых преданных поклонников и исследователей таланта Достоевского, не раз приезжавшего к нам, зовут **Коити Итокава**. И этого экзотического для Сибири гостя, и многих других, постоянно сотрудничающих с новокузнецкими литературоведами, в доме-музее ждут на научную конференцию «Достоевский: проблемы, жанры, интерпретации», которая будет приурочена ко дню рождения писателя.*

В материалах, выражающих пейоративное отношение к беспмятным потомкам, важна также телеологическая оценка, синкретично существующая с доминирующей этической, как в рассмотренных примерах, или выходящая на первый план, например: *Только в 1980 г. в Новокузнецке открывается литературно-мемориальный музей Ф.М. Достоевского. Было упущено время, которое должно было способствовать розыскам экспонатов, сведений от старожилов о кузнецком периоде жизни писателя* (А. Шадрина, 23.03.1989).

Отметим, что в материалах XX в. создан более яркий образ Кузнецка эпохи Достоевского, большее внимание уделяется образу музея, тогда как в материалах XXI в. акцент перенесён на роль «кузнецкого периода» в жизни и творчестве писателя, на создание образа «грозного чувства». С одной стороны, такой отклик газетных текстов связан с фактами и событиями: 17 мая 1980 г. в городе открыт Литературно-мемориальный музей Ф.М. Достоевского, ведутся споры о его экспозиции и сохранении материальных объектов, активизировавшиеся в эпоху перемен. С другой стороны, именно с периодом перестройки связаны более активное обращение медиатекстов к дореволюционной истории Кузнецка, расширение круга тем, представляющих малую родину: *Почти 400-летняя история нашего города насчитывает немало светлых страниц. Новокузнецчанам можно гордиться не только Кузнецкстроем и трудовыми подвигами во время войны, но и историей города Кузнецка прошлых веков* (Е. Цибизова, 16.11.1996). В эпоху перемен, связанную с расшатыванием системы ценностных координат, с anomией, укрепление новой системы начинается с поиска истоков, с интереса к корням, питающим крону: *Мы все были одинаковы, однолики, мы и семьи своей кровной не знали, и генеалогического древа не помнили. И только-только почувствовали вдруг, что ничего хорошего в таком беспмятстве нет, что порождает такое беспмятство недобрых, агрессивных людей, с ограниченным кругозором и глухим ко всему, кроме своего, личного и корыстного интереса, внутренним миром* (Т. Михайлова, 02.02.1990).

Именно с этой особенностью системы ценностей периода перестройки и 90-х гг. связана, на наш взгляд, ключевая роль слова *возрождение*, вошедшего в «Словарь перестройки» [17. С. 36]. Например, отчёт В. Паничкина о

встрече в краеведческом музее специалистов, занятых созданием историко-мемориальной зоны, с членами постоянной комиссии горсовета по культуре озаглавлен *«На пути к возрождению»* (06.03.1991). «Ключевое слово текущего момента» (понятие Т.В. Шмелёвой: [18]) мы встречаем и в размышлениях журналиста, завершающих интервью с директором музея: *<...> надо побывать здесь, заразиться верой и энтузиазмом директора в возрождение культурной зоны, в создание очага культурной истории* (В. Валиулин, 12.03.1992).

Разнообразны стилистические средства и приёмы воплощения образа Кузнецка. Он соотносится с идеонимами-библионимами – названиями произведений, в которых создаётся образ провинциального сибирского города, тем самым подчёркивается несомненная связь 22 дней Достоевского в Кузнецке с его творчеством. Цитируются *«Записки из Мёртвого дома»*: *«В отдалённых краях Сибири, среди степей, гор или непроходимых лесов, попадаются изредка маленькие города с одной, много с двумя тысячами жителей, деревянные, невзрачные...»* Это *«Записки из Мёртвого дома»*. Мы поверим: это – о Кузнецке (Ю. Некрич, 22.05.1980); этот фрагмент *«Записок...»*, сопровождаемый комментарием автора, находим мы и в художественно-публицистическом материале писателя Л. Сербина: *Эти первые строки «Записок из Мёртвого дома» появились потом спустя несколько месяцев после посещения Кузнецка* (28.01.1995); упоминается *«Дядюшкин сон»*: *Какой именно город стал прототипом Мордасова, – достаточно праздный вопрос. Скорее всего, провинция явилась Достоевскому в чём-то одинаковой, типичной и в Семипалатинске, и в Кузнецке, и в Барнауле* (Е. Цибизова, 16.11.1996). Таким образом, актуализированы как изотопические цепочки, основанные на связи пересечения, так и гиперогипонимические ряды, где родовому понятию провинциального города соответствуют несколько гипонимов-астинимов, среди которых находится и оним *Кузнецк*.

В стилистическом воплощении образа Кузнецка отметим две тенденции: обобщение, которое используется в текстах конца XX в. и будет преобладать в материалах XXI в., и конкретизация, более ярко представленная в материалах конца XX в., открывающих и разрабатывающих тему. (Первые публикации *«Кузнецкого рабочего»* по рассматриваемой теме относятся к 60-м гг. XX в. и созданы Е. Дмитриевым [19. С. 10], но такие публикации достаточно редки, и именно с 80-х гг., особенно со второй половины, начинается непрерывная и последовательная разработка темы.)

Обобщённая характеристика Кузнецка создаётся с помощью подбора характеризующих гиперонимов, эпитетов, в том числе имеющих межтекстовый статус. Регулятивная роль эпитетов неоднократно актуализируются, например, с помощью инверсии, смысловой плотности контекста, в том числе создаваемой рядами однородных членов: *Узнаем город той поры и в фотографиях, документах – захолустный, приземистый <...>* (Некрич, 22.05.1980). Кузнецк в газетных материалах – *сибирская глубинка* (В. Волчек, В. Тогулев, 13.02.1992); *защитный городок Сибири* (В. Валиулин, 12.03.1992); *глухая провинция* (Т. Михайлова, 12.11.1996); использовано предложение, в котором астиним *Кузнецк* выступает в роли подлежащего, охарактеризованного с помощью составного именного сказуемого: *Кузнецк 19-го века – уездный го-*

род с тихой провинциальной жизнью (Е. Цибизова, 16.11.1996). Поэтесса Л.А. Никонова в одной из статей включает три различные номинации-характеристики Кузнецка: *в глухом сибирском городке; в заштатный сибирский городок; от деревянного захолустного городка Кузнецка* (Л. Никонова, 01.02.1986). Представить город помогает также антитеза *«деревянный захолустный городок Кузнецк – наш молодой индустриальный Новокузнецк»* (Л. Никонова, 01.02.1986). В другом материале автор характеризует Кузнецк как *уездный городок Томской губернии* (Л. Никонова, 31.10.1991).

Конкретизация образа города связана с его пространственным представлением и созданием образов горожан. В формировании пространственного образа города важны изотопические цепочки с партитивной связью и разнообразные топонимы. Партитивные ряды фокусируют внимание адресата на отдельных объектах, среди которых в материалах разных лет особенно важна церковь, где венчался писатель, названная с помощью экклезионима. Образ церкви преимущественно включён в осмысление «грозного чувства». Неоднократно, как и в материалах XXI в., используется приём параллельного изображения прошлого и настоящего: *Одигитриевская церковь стояла до 1918 г. на нынешней Советской площади, справа от въезда на неё со стороны Томи* (В. Откидач, 17.03.1981); *Сохранился деревянный дом портного Дмитриева, который в 1855–1857 гг. снимала М.Д. Исаева по ул. Полицейской (с 1901 г. – улица Достоевского)* (Л. Никонова, 01.02.1986). Л.А. Никонова создаёт гиперогипонимический ряд *«небольшие островки старины – деревянный дом портного Дмитриева»* (Л. Никонова, 01.02.1986). Характеризующая роль данной изотопической цепочки связана со смысловой нагрузкой метафорического гиперонима *островки*, свидетельствующего как о неизбежной потере материальных следов прошлого, так и о значимости сохранения памяти. Такой подход сохраняется и в материалах начала XXI в.

В материалах советского времени важен образ лиственницы, которая до осени 1980 г. была живым свидетелем событий прошлого. Ю. Некрич использует эпитет для создания образа лиственницы и включает его в контекст, где актуализированы эмотивные смыслы: *<...> узнаём <...> ту вековую лиственницу, которую успел полюбить Достоевский* (Ю. Некрич, 22.05.1980). Роль образа лиственницы в городской газете начала 80-х гг. связана со спецификой газетного текста, откликающегося на недавно случившееся и соотносящего факты и события с социальной оценкой: журналисты и представители общественности обсуждают гибель лиственницы по вине дорожного управления. Искусствовед В. Откидач обращается к приёму авансирования: ещё до прямого называния лиственницы появляются характеризующие её образ эпитет и перифраз: *До 1980 года был ещё цел единственный «живой свидетель» венчания Достоевского с Исаевой – это лиственница, стоявшая некогда во дворе церкви* (17.03.1981). В дальнейшем развёртывании текста обозначенные смыслы поддерживаются другим перифразом – *достоверный свидетель прошлого: В проекте художники предполагали рядом с лиственницей поставить ажурный силуэт церкви из металлических стержней, который символизировал бы память о событии прошлого. Соединение достоверного свидетеля прошлого с памятником-символом создавало выразительный и волнующий художественный образ*. Третья оценочная характеристи-

ка – реликвия – включена в обличительный контекст с антитезой «сиюминутная нужда – всякие реликвии»: *Но осенью прошлого года лиственницы не стало. Она была срублена, поскольку рядом прокладывается дорога. Сиюминутная нужда дорожного управления оказалась дорожке всяких реликвий – пример, к сожалению, не единственный. И хотя нет лиственницы, вопрос о том, как увековечить память о важном событии из жизни Ф.М. Достоевского, должен быть как-то продуман и решён* (В. Откидач, 17.03.1981). Как видим, злободневные аналитические материалы критической направленности, связанные с темой сохранения памяти о пребывании Достоевского в Кузнецке, публикуются и в советское время, однако позже таких материалов становится значительно больше.

Эмпирическая детализация пространственного образа города наблюдается в материалах как журналистов, так и специалистов: *Молчат часы. Из низкого окна открываются высокие сумрачные тополя над старым прудом. Когда шли часы, тополей ещё не было, на месте пруда шумела речка Иванцевка* (Ю. Некрич, 22.05.1980); *Небольшой посад, возникший после пожара 1658 года в Кузнецке, развивался вдоль полноводной Иванцовской протоки. Улица, стоявшая на её берегу, определившаяся в XIX веке как Полицейская, вероятно, одна из старейших в городе. Застраивалась она в основном деревянными одноэтажными домами, и только в XIX веке на ней появилось несколько двухэтажных зданий* (А. Шадрина, 23.03.1989).

Параллельное включение топонимов прошлых и современных гармонирует с идеей сохранения памяти, бережного, скрупулёзного отношения к каждой детали пребывания писателя в Кузнецке: *В первые два приезда он останавливался на Подгорье в доме Вагина (угол пер. Блиновского и ул. Зелёной, теперь Полосухина) <...>* (А. Шадрина, 06.06.1992).

О важной роли онимов свидетельствует включение в газетные тексты метаязыковой рефлексии: *В 1901 году одна из улиц Кузнецка – Полицейская, по просьбе горожан была переименована в ул. Достоевского. Это был первый шаг кузнецчан в стремлении приобщить историю города к судьбе великого писателя* (А. Шадрина, 23.03.1989); *Улица названа в честь событий, происходивших в этом доме: здесь бывал, страдал, любил великий русский писатель Фёдор Достоевский* (Н. Малькова, 02.06.1994). Позже, в начале XXI в., авторы публикаций апеллируют к пресуппозиции адресата, которая должна включать такие важные сведения, например: *Сто лет назад – в 1901 году – улица Полицейская, до этого называвшаяся Большой, была переименована в Достоевского.*

Именно здесь располагался дом портного Дмитриева, который снимала чета чиновника Исаева, вдова которого, – **вы, конечно, помните,** – Мария Дмитриевна – стала первой женой Достоевского. Сюда Фёдор Михайлович приезжал трижды в 1856–1857 годах. В кузнецкой Одиотриевской церкви, стоявшей где-то на взгорке у Базарной площади примерно на месте нынешнего расположения тюрьмы и практически в начале улицы собственного в будущем имени, **вы знаете,** Достоевский с Исаевой венчались. Сегодня в доме номер сорок располагается музей Фёдора Михайловича Достоевского (В. Немиров, 03.02.2001). Апелляция к адресату свойственна материалам В.А. Немирова, отличающегося диалогичной манерой письма, и содержится

уже в заглавии городского репортажа, фрагмент которого был приведён, – «Пройдём по Достоевского».

Контексты с метаязыковой рефлексией включаются и в материалы с пейзажной оценкой, передающие эмотивный смысл возмущения, который связан с пренебрежительным отношением к культурной памяти. Так, в материале сотрудника музея Е.Д. Трухан актуализируются антитезы «чудовищная местность – имя гения мировой литературы», «чудовищная местность, богом забытый угол, филиал петербургских трущоб – красивые улицы, площади, музеи», изотопические цепочки «стыдно – больно», «бытовое бескультурье – неуважение к великим именам», концентрируются риторические вопросы:

И просто парадоксально, что такая чудовищная местность носит имя гения мировой литературы, юбилей которого, кстати, город планирует пышно отметить в 1996 году. Пригласим гостей, будем водить по красивым улицам, площадям, музеям.

А если кто заглянет в богом забытый угол, в филиал петербургских трущоб – на платформу имени Достоевского?

Стыдно и больно за наше бытовое бескультурье, за неуважение к великим именам. Неужели Достоевский заслужил такую память? (09.11.1995).

Внимание к ониму возникает уже благодаря заголовку-перифразу, основанному на метонимии, – «Классическая остановка». Креолизованный текст, размещённый в рубрике «Фотофакт» накануне дня рождения Ф.М. Достоевского, передаёт горькую иронию: на фотографии представлено удручающее состояние остановочной платформы имени Достоевского. Текст насыщен пейоративами: *Несколько лет, проезжая по маршруту «Запсиб – город», становлюсь невольным свидетелем безобразия, творящегося на остановочной платформе имени Достоевского. Станция разбита, что называется, до кирпичей, нет стёкол, крыши. Местные аборигены, занимающиеся наскальной живописью, оставили на её стенах массу загадочных надписей и рисунков. Оригинально дополнил эту картину канализационный пейзаж: чуть только дожди – из близлежащих колодцев хлещет чёрная вонючая жидкость, а рядом – Томь, из которой мы пьём. Дубитация подчёркивает проблемный характер размышлений сотрудника музея: Кто ответит за это преступление? Железная дорога? Служба коммунального хозяйства? Администрация города? Как видим, с помощью комплекса различных изобразительно-выразительных средств материал представляет актуализированную в эпоху перестройки тему культурного беспамятства.*

Особой выразительностью в создании образа Кузнецка обладают эмоционально-экспрессивные контексты, построенные по законам художественной публицистики. Городская газета конца XX в. может гордиться такими тонкими стилистами, создавшими яркий образ Кузнецка, как Ю. Некрич, Л.А. Никонова, А.С. Шадрина, Л.Г. Сербин, Е.Д. Трухан. Приведём примеры художественно-публицистических контекстов с субъективацией изложения ([20. С. 185–205], [14. С. 204–224]). Это могут быть впечатления автора публикации от экспоната музея, выставки: *Изображение погружено в серебристо-голубой искрящийся фон. На этом фоне панорамно возникают домики, собор*

провинциального Кузнецка, по одной из улиц несётся нарядный свадебный поезд.

<...> Мы словно бы видим это событие сквозь даль времени, а эта лёгкая мгла, мерцающая, переменчивая, кажется почти материализованной романтической дымкой времени. Кружащийся, изменчивый фон может показаться и снежным вихрем, в котором тонет маленький захолустный городок, затерянный в бескрайних сибирских просторах (о картине новокузнецкой художницы Л. Ковтун-Статных «Венчание Фёдора Достоевского»; В. Откидач, 17.03.1981).

Несколько раз отражён момент первых впечатлений приехавшего в Кузнецк:

Первые впечатления от знакомства с городом были отрадными. С высокой крепостной горы открывался вид на тихие уютные улочки, утопающие в снегу. Силуэты двух каменных храмов поражали воображение величественностью и изяществом (о приезде в Кузнецк Е.И. Тюменцева; А. Шадрина, 07.06.1990);

Внезапно открывшийся с Крепостной горы ландшафт приятно удивил унтер-офицера Ф.М. Достоевского. Городок, окутанный утренней дымкой, был как на ладони. Слева вдоль горы, в зелёном массиве, пряталось городское кладбище с небольшой белокаменной церквушкой. Справа извилистая лента реки уходила до горизонта. Среди уютных деревянных домиков обывателей возвышались два каменных храма. Спустившись на Базарную площадь, ямщик направил лошадей в сторону Большой улицы. Здесь в небольшом деревянном домике жила М.Д. Исаева, к которой так спешил Достоевский (А. Шадрина, 06.06.1992);

...Сразу за Томью дорога круто пошла вверх, и лошадь, уставшая за столь долгий путь, вынесла кошовку на крепостную гору. Внизу в закатном мареве лежал Кузнецк.

Залитые потемневшей зеленью палисады, пристань, аккуратные ряды домишек, золотые купола собора и чуть в отдалении церквей. Вот он, городок, название которого я повторяю почти два года, подумал писатель и улыбнулся (Л. Сербин, 28.01.1995);

Как уже отмечалось, другое направление конкретизации образа Кузнецка – рассказ о кузнечанах. Опять же используется как обобщённая характеристика, так и конкретизированное представление горожан, так или иначе имеющих отношение к «кузнецкой коллизии» писателя. А.С. Шадрина определяет в газетных материалах конца 80-х – начала 90-х гг. особое направление конкретизации образа Кузнецка – изучение духовной жизни кузнечан: *Раскрытие многообразных аспектов нашей «малой истории» через человеческую личность, её подвижническую духовную деятельность позволяет более объективно судить о культуре Кузнецка второй половины XIX века (А. Шадрина, 07.06.1990).* Причём краевед не ограничивается выражением концепции, а бережно, скрупулёзно собирает факты. Так, приводится фрагмент письма Е.И. Тюменцева, характеризующий круг чтения кузнечан: *Для углублённого понимания личности священника Тюменцева и характеристики духовной жизни Кузнецка второй половины XIX века обратимся ещё раз к письму: «В то время литературная деятельность Фёдора Михайловича*

только ещё начиналась, и я в это время был знаком только с его “Бедными людьми”, затем вскоре с “Записками из Мёртвого дома”. Прочие его произведения в Кузнецкой училищной библиотеке были почти все и нашей интеллигенцией читались с большой охотой. <...>» (А. Шадрина, 07.06.1990). Или даётся обзор губернской газеты «Сибирская жизнь», выполненный для определения особенностей духовной жизни кузнецчан: *Какие проблемы волновали кузнецчан столетие назад? Каким они хотели видеть свой город? Чем питалась их духовно-нравственная жизнь? <...> Ответы на них [вопросы] можно обнаружить, полистав страницы газеты «Сибирская жизнь». <...> в корреспонденциях из Кузнецка обезоруживает простота и открытость авторского мироощущения. <...> Отдельные публикации в газете «Сибирская жизнь» из Кузнецка имеют название «Захолустные силуэты», однако они же своим содержанием и направленностью подвергают сомнению это самоуничижительное определение* (А. Шадрина, 20.02.1993). Оптимистичным является вывод автора: *Если кузнецане когда-то могли так сказать о себе, безусловно, чувство нравственного долга не было ими утрачено, а город жил своими проблемами.* Отметим, что заголовок статьи А.С. Шадриной – «*Письма из прошлого*» – выражает идею неразрывной связи времён, необходимости обращения к духовным истокам для ценностной ориентации. Примечательно, что в контексте размышлений о духовной жизни кузнецчан важную роль играет гемертоним «*Сибирская жизнь*», что гармонирует с неоднократно выраженным в городской газете осознанием места СМИ в духовной жизни общества.

В общей характеристике духовной жизни Кузнецка представлен и пейоративный полюс. Пейоративные аспекты характеристики Кузнецка наиболее полно выражены в статье научного сотрудника музея Е. Цибизовой «*Не только карты, попойки и сплетни...*» с подзаголовком «*Сибирская провинция в повести Ф.М. Достоевского “Дядюшкин сон”*» (16.11.1996): *Замкнутость жизни, оторванность от общественных движений центра и часто невероятная скука порождали зависть, интриги, сплетни среди представителей городской верхушки. Именно с этой стороны представлена сибирская провинция в повести Ф.М. Достоевского «Дядюшкин сон»; <...> впечатление Достоевского от сибирской провинции было негативным.* Сотрудник краеведческого музея, усиливая аргументацию, включает в статью цитаты из воспоминаний А.Е. Врангеля, писем Ф.М. Достоевского, например: *В письмах Фёдора Михайловича встречаются такие эпитеты: «...гадость кузнецкая её замучает», «...жить в Кузнецке ужасно», а в письме к А.Е. Врангелю от 24 марта 1856 г. Достоевский пишет: «В маленьком этом городишке интригуют... Её осаждают просьбами выйти замуж... указывают на беспомощность её положения».*

Важно, что в конкретизированной характеристике кузнецчан (прежде всего Е.И. Тюменцева, супругов Катанаявых) представлены не только факты и события, но и духовная составляющая: *Вовлечённый волею событий в жизненную орбиту писателя Достоевского, отец Евгений хранил о нём благодарную память, тем самым приобщая историю Кузнецка к великому имени русской литературы* (А. Шадрина, 07.06.1990); *Идут столетия, меняются эпохи, но человеческая доброта, участие к ближнему, проявленные как когда-то [Ан-*

ной Николаевной Катанаевой] к Достоевским, так нужны нам сегодня всем (А. Шадрина, 06.02.1993). На духовной составляющей в характеристике кузнечан делают акцент именно материалы конца XX в., позднее превалирует событийно-фактологический подход к представлению «кузнечской орбиты» писателя.

В материалах 90-х гг. возрастает роль шутивно-ироничной тональности, которая не играет ведущей роли при осмыслении темы «Достоевский в Кузнечке», но всё же важна с точки зрения специфики ценностной ориентации. Так, в номере за 1 апреля 1997 г. опубликован шутивный текст под заголовком «Опровержение»: *В редакцию «Кузнечского рабочего» обратился новокузнечанин Ф.М. Достоевский, который утверждает, что информация о его венчании в Спасо-Преображенском соборе, опубликованная в прошлом номере газеты, не соответствует действительности.*

На самом деле он венчался в Одигитриевской церкви, а настоящее время не существующей, о чём представит неоспоримые доказательства.

Редакция «Кузнечского рабочего» приносит извинения читателям и Ф.М. Достоевскому. Корреспондент газеты М.Ю. Зеленчуков, подготовивший ложную информацию, наказан принудительной экскурсией в музей Ф.М. Достоевского.

Несмотря на шутивную тональность, текст направлен на ознакомление горожан с правдивой информацией, на борьбу с распространённым заблуждением о месте венчания, что определяет ключевую роль в контексте противопоставления слов и выражений с семантикой лжи (*не соответствует действительности, ложная информация*) и правды (*на самом деле*) и контекстуальной антитезы экклезионимов «Спасо-Преображенский собор – Одигитриевская церковь».

Шутивная тональность связана с заголовком городского репортажа о конкурсе проектов памятника Достоевскому – «*На этот раз, кажется, Достоевскому не повезло*» (В. Немиров, 14.07.2001). Журналист в ироничном изложении использует сниженный по окраске жаргонизм «*повязать*», заключая его в кавычки и тем самым обращая на него внимание [21. С. 323], и антитезу, передающую неоднозначное отношение к хранению памяти о пребывании писателя: *Любовь и женитьба на Марии Исаевой навечно «повязала» Фёдора Достоевского с нашим городом. Одни говорят: великая для нас честь, для других – сплошная маета* (14.07.2001). Далее в материале шутивная тональность поддержана фразеологизмом с разговорной и сниженной окраской и силлепсисом «*образ... и... сумма денег*»: *В конце марта распоряжением Главы города открылся конкурс проектов памятника Фёдора Михайловича Достоевского, параметры которого укладывались бы в «образ простого человека, писателя, мыслителя», жизнь которого связана каким-то боком с городом, и в небольшую (сравнительно) сумму денег.* Действительно, ключевая роль в стиле современной аналитической и художественной публицистики принадлежит иронии (см. об этом: [22. С. 313]). Использование иронии соотносится с проблемным способом ввода информации, используемым в современной публицистике: «Основная модальность сейчас – это разной окраски вопросительность, утверждение с оглядкой на возможное возражение, опровержение» [23. С. 667]. А.Б. Есин подчёркивает особое место иро-

нии в системе эмоционально-ценностных ориентаций культуры: «Ирония, чья субъективная основа – скептицизм, направлена не на саму действительность, а на её осмысление в той или иной эмоционально-ценностной ориентации»; одна из функций иронии, как раз реализуемая в современной аналитической и художественной публицистике, – «разрушать, разлагать эмоционально-ценностные ориентации, оказавшиеся явно несостоятельными перед лицом реальности и переставшие выполнять свою основную функцию – ориентировать личность в мире» [24. С. 267–268]. Таким образом, шутливо-ироничная тональность газетных материалов отражает критическое отношение к существующей ценностной ориентации и одновременно стремление авторов направить читателя (в читательскую аудиторию включаются и представители власти разных уровней) к новой системе ценностных координат, преодолеть аномию.

Сделаем некоторые выводы о воплощении темы «Достоевский в Кузнецке», открытой в региональном медиадискурсе газетой «Сибирская жизнь». Связь Кузнецка с жизнью Ф.М. Достоевского рассматривается авторами публикаций городской газеты «Кузнецкий рабочий» в контексте размышлений о чести быть приобщённым к судьбе великого русского писателя и об уважении к истории малой родины. Актуализирована этическая оценка, поскольку нравственной основой таких размышлений в публикациях разных лет является память; межтекстовый статус приобретает антитеза памяти и беспамятства, забвения. При осмыслении темы «Достоевский в Кузнецке» в период перестройки и в более поздних материалах 90-х гг. XX в. сделан акцент на общечеловеческих духовных ценностях, тогда как в начале XXI в. внимание переносится на культурную жизнь города. В период перестройки актуализируется пейоративная оценка беспамятных потомков, в которой доминирует этическое начало. Ключевая для публикаций 90-х гг. тема, связанная с темой сохранения культурного наследия, – финансовое неблагополучие.

В материалах XX в. создан более яркий образ Кузнецка эпохи Достоевского, большее внимание уделяется образу музея, тогда как в материалах XXI в. акцент перенесён на роль «кузнецкого периода» в жизни и творчестве писателя, на создание образа «грозного чувства». Такой отклик газетных текстов связан не только с фактами и событиями (открытие музея в 1980 г.), но и с более активным обращением медиатекстов в период перестройки к дореволюционной истории Кузнецка, с расширением круга тем, представляющих малую родину, что важно для ценностной ориентации в эпоху перемен.

Астионим *Кузнецк* в газетных материалах соотносится с образами провинциального города в «Записках их Мёртвого дома» и повести «Дядюшкин сон». В стилистическом воплощении образа Кузнецка отметим две тенденции: обобщение, которое используется в текстах конца XX в. и будет преобладать в материалах XXI в., и конкретизация, более ярко выраженная в материалах конца XX в., открывающих и разрабатывающих тему. Обобщённое представление города создаётся с помощью подбора характеризующих гиперонимов, эпитетов, в том числе имеющих межтекстовый статус. Конкретизация образа города связана с его пространственным представлением и созданием образов горожан. В формировании пространственного образа города важны изотопические цепочки с партитивной связью, разнообразные топо-

нимы, эмпирическая детализация. Параллельное включение топонимов прошлых и современных гармонизирует с идеей сохранения памяти, бережного, скрупулёзного отношения к каждой детали пребывания писателя в Кузнецке. О важной роли онимов свидетельствует включение в газетные тексты мета-языковой рефлексии.

В рассказе о кузнечанах как другом важном направлении конкретизации образа Кузнецка используется не только обобщённая характеристика, но и конкретизированное представление жителей Кузнецка, имеющих отношение к «кузнецкой коллизии» писателя. Краевед А.С. Шадрина определяет в газетных материалах конца 80-х – начала 90-х гг. XX в. особое направление конкретизации образа Кузнецка – изучение духовной жизни кузнечан. В контексте этих размышлений важную роль играет гемертоним «*Сибирская жизнь*», что гармонирует с неоднократно выраженным в городской газете осознанием места СМИ в духовной жизни общества. В конкретизированной характеристике кузнечан (прежде всего Е.И. Тюменцева, супругов Катаняевых) представлены не только факты и события, но и духовная составляющая, тогда как в материалах XXI в. превалирует событийно-фактологический подход. Безусловно, тема «Достоевский в Кузнецке» является одной из краеведческих доминант городской газеты «Кузнецкий рабочий» конца XX – начала XXI в.

Литература

1. Чичерина Н.В. Медiateкст как средство формирования медиаграмотности у студентов языковых факультетов. М.: Изд-во ЛКИ, 2008. 232 с.
2. Карасик В.И. Аксиологическая лингвистика: перспективы развития // Ментальность и изменяющийся мир: к 75-летию проф. В.В. Колесова / отв. ред. М.В. Пименова. Севастополь, 2009. С. 13–20.
3. Булгаков В.Ф. Ф.М. Достоевский в Кузнецке. URL: http://az.lib.ru/b/bulgakow_w_f/text_1904_dostoevsky.shtml (дата обращения: 14.09.2015 г.).
4. Жиликова Н.В. Цензурная история газеты «Сибирская жизнь» (1894–1919, г. Томск) // Вестн. Том. гос. ун-та. Филология. 2009. № 3 (7). С. 102–115.
5. Пушкарёва И.А. О семантико-стилистическом воплощении образа города в газетном тексте краеведческого характера (тема «Достоевский в Кузнецке» в городской газете «Кузнецкий рабочий») // Вестн. Том. гос. ун-та. Филология. 2013. № 3 (23). С. 24–33.
6. Пушкарёва И.А. «Кузнецк Достоевского» в материалах городской газеты // Филология и человек. Барнаул. 2013. № 2. С. 158–165.
7. Пушкарёва И.А. Образ «грозного чувства» (о семантико-стилистическом воплощении темы «Достоевский в Кузнецке» в городской газете «Кузнецкий рабочий») // Человек. Язык. Культура: сб. науч. ст., посвящ. 60-летию юбилею проф. В.И. Карасика / отв. соред. В.В. Колесов, М.В. Пименова, В.И. Теркулов. 2-е изд., испр. Ч. 2. Киев, 2013. С. 167–178.
8. Болотнова Н.С. Коммуникативная стилистика текста: словарь-тезаурус. Томск: Изд-во Том. гос. пед. ун-та, 2008. 384 с.
9. Болотнова Н.С. Лексическая структура художественного текста в ассоциативном аспекте. Томск: Том. гос. пед. ун-т, 1994. 212 с.
10. Попова З.Д., Тернин И.А. и др. Полевые структуры в системе языка. Воронеж: Воронеж. гос. ун-т 1990. 198 с.
11. Филиппов К.В. Лингвистика текста: курс лекций. СПб.: Изд-во С.-Петерб. гос. ун-та, 2003. 336 с.
12. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. 2-е изд., перераб. и доп. / отв. ред. А.В. Суперанская. М.: Наука, 1988. 192 с.
13. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М.: Наука, 1988. 341 с.

14. Гориков А.И. Русская стилистика: учеб. пособие. М.: ООО «Изд-во Астрель»: ООО «Изд-во АСТ», 2001. 367 с.
15. Ляшевская О.Н., Шаров С.А. Частотный словарь современного русского языка (на материале Национального корпуса русского языка). М.: Азбуковник, 2009. URL: [http:// dict.ruslang.ru/freq.php](http://dict.ruslang.ru/freq.php) (дата обращения: 03.09.2015).
16. Ожегов С.И. Словарь русского языка / под ред. Н.Ю. Шведовой. М.: Сов. энцикл., 1973. 846 с.
17. Максимов В.И. и др. Словарь перестройки. СПб.: Златоуст, 1992. 256 с.
18. Шмелева Т.В. Ключевые слова текущего момента // *Colleqium*. 1993. № 1. С. 33–41.
19. *Музей великого писателя* в Новокузнецке: аннотированный указатель литературы / сост. Н.В. Чужук, Е.Э. Протопопова; науч. ред. И.В. Ульянова. Новокузнецк: МУ ЦБС им. Н.В. Гоголя, 2011. 74 с.
20. Одицов В.В. Стилистика текста. М.: КомКнига, 2006. 264 с.
21. Розенталь Д.Э. Русский язык: справочник-практикум. М.: ООО «Издательский дом ОНИКС 21 век»: ООО «Изд-во “Мир и Образование”», 2005. 1008 с.
22. Солганик Г.Я. Публицистический стиль // *Стилистический энциклопедический словарь* / под ред. М.Н. Кожинной. М., 2003. С. 312–315.
23. Дускаева Л.Р. Языково-стилистические изменения в современных СМИ // *Стилистический энциклопедический словарь* / под ред. М.Н. Кожинной. М., 2003. С. 664–675.
24. Есин А.Б. Культура как система ценностей: Эмоционально-ценностные ориентации // Есин А.Б. Литературоведение. Культурология: Избранные труды. М., 2002. С. 256–270.

VALUE CONCEPTUALIZATION OF THE TOPIC “DOSTOEVSKY IN KUZNETSK” IN THE CITY NEWSPAPER *KUZNETSKY RABOCHY* OF THE LATE 20TH CENTURY: SEMANTIC AND STYLISTIC ANALYSIS

Tomsk State University Journal of Philology, 2015, 6 (38), 67–85.

DOI: 10.17223/19986645/38/6

Pushkareva Irina A., Novokuznetsk Institute, Branch of Kemerovo State University (Novokuznetsk, Russian Federation); Tomsk State Pedagogical University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: pial1@yandex.ru

Keywords: newspaper text, regional media discourse, local studies, meliorative and pejorative estimation, semantic lexical paradigm, isotopy chain.

Newspaper text authors of *Kuznetsky rabochy* view the connection between Kuznetsk and Dostoevsky’s life in a specific context. Usually it concerns thoughts about the honour to be joined to the great writer’s destiny and about respect to the small motherland history. In different periods, the moral basis of these thoughts is memory. Also materials actualize ethical estimation: antithesis of memory and oblivion acquires an intertextual status. In the perestroika period and in later materials of the 1990s, the accentuated aspect includes universal spiritual values, while in the early 21st century attention is paid to the cultural life of the city. The perestroika period texts devoted to Dostoevsky in Kuznetsk actualize pejorative estimation of forgetful descendants in the ethical aspect. The key topic for materials of the 1990s is financial trouble connected with cultural heritage preservation.

Texts of the 20th century create a brighter image of Kuznetsk in Dostoevsky’s epoch, whereas materials of the 21st century emphasize the role of the “Kuznetsk period” in the writer’s life and form the image of “cruel feeling”. This response in newspaper texts occurred not only due to facts and events (the Museum opening in 1980). Another important aspect is the perestroika media texts appeal to the pre-revolutionary history of Kuznetsk: the sphere of subjects presenting the small motherland was expanding.

Two stylistic tendencies are remarkable in Kuznetsk image: firstly, generalization used in texts of the late 20th century and prevailing in materials of the early 21st; secondly, specification mainly presented in materials of the late 20th century which open and work out the topic. A generalized city description is created with the help of special hyperonyms and epithets; some of them have an intertextual status. Specification of the city image is connected with its space presentation and townspeople images. An important role in forming the city’s space image belongs to isotopy chains with partitive connection, as well as to different toponyms, empiric detailing.

The narrative about Kuznetsk people, as another significant way of the city image specification, uses not only a generalized description, but also a concrete one. For instance, authors create images of people connected with the “Kuznetsk conflict” of Dostoevsky. A.S. Shadrina, a local studies expert,

examines a particular line in Kuznetsk image specification: the view on spiritual life of its people. Hemertonym “*Sibirskaya zhizn*” is especially important in this context; it conforms to the mass media role in the spiritual life of society, which is constantly expressed in the city newspaper. Concrete description of Kuznetsk people (mainly of E.I. Tumentsev and the Katanaev family) presents not only facts and events, but also a spiritual component, while in materials of the early 21st century the evidential aspect prevails.

Therefore, the topic “Dostoevsky in Kuznetsk” is one of the local studies dominants in the city newspaper *Kuznetsky rabochy*.

References

1. Chicherina, N.V. (2008) *Mediatekst kak sredstvo formirovaniya mediagramotnosti u studentov yazykovykh fakul'tetov* [Media texts as means of formation of media literacy among students of language faculties]. Moscow: LKI.
2. Karasik, V.I. (2009) Aksiologicheskaya lingvistika: perspektivy razvitiya [Axiological linguistics: development prospects]. In: Pimenova, M.V. (ed.) *Mental'nost' i izmenyayushchiysya mir: kollektivnaya monografiya: k 75-letiyu prof. V.V. Kolesova* [The mentality and the changing world: the collective monograph: the 75th anniversary of Prof. V.V. Kolesov]. Sevastopol: Ribest.
3. Bulgakov, V.F. (1904) *F.M. Dostoevskiy v Kuznetske* [Dostoevsky in Kuznetsk]. [Online]. Available from: http://az.lib.ru/b/bulgakow_w_f/text_1904_dostoevsky.shtml. (Accessed: 14 September 2015).
4. Zhilyakova, N.V. (2009) The censorship history of the newspaper *Siberian Life* (1894–1919, Tomsk). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 3 (7). pp. 102–115. (In Russian).
5. Pushkareva, I.A. (2013) On semantic and stylistic realization of city image in city text of local history character (theme “Dostoevsky in Kuznetsk” in city newspaper *Kuznetsky Rabochy*). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 3 (23). pp. 24–33. (In Russian).
6. Pushkareva, I.A. (2013) Kuznetsk by Dostoevsky in the city newspaper’s materials. *Filologiya i chelovek – Philology and a Person*. 2. pp. 158–165. (In Russian).
7. Pushkareva, I.A. (2013) Obraz “groznogo chuvstva” (o semantiko-stilisticheskom voploshchenii temy “Dostoevskiy v Kuznetske” v gorodskoy gazete “Kuznetskiy rabochiy”) [The image of “the terrible feeling” (a semantic and stylistic expression of the topic “Dostoevsky in Kuznetsk” in the local newspaper *Kuznetskiy rabochiy*). In: Kolesov, V.V., Pimenova, M.V. & Terkulov, V.I. (eds) *Chelovek. Yazyk. Kul'tura: sbornik nauchnykh statey, posvyashchenny 60-letnemu yubileyu prof. V.I. Karasika* [Man. Language. Culture: The collection of articles to the 60th anniversary of Prof. V.I. Karasik]. 2nd ed. Pt. 2. Kiev: Izd. dom D. Burago. pp. 167–178.
8. Bolotnova, N.S. (2008) *Kommunikativnaya stilistika teksta: Slovar'-tezaurus* [The communicative stylistics of the text: thesaurus]. Tomsk: Tomsk State Pedagogical University.
9. Bolotnova, N.S. (1994) *Leksicheskaya struktura khudozhestvennogo teksta v assotsiativnom aspekte* [The lexical structure of the art text in an associative aspect]. Tomsk: Tomsk State Pedagogical Institute.
10. Popova, Z.D. et al. (1990) *Polevye struktury v sisteme yazyka* [Field structures in the language]. Voronezh: Voronezh State University.
11. Filippov, K.V. (2003) *Lingvistika teksta: Kurs lektsiy* [Text Linguistics: Lectures]. St. Petersburg: St. Petersburg State University.
12. Podol'skaya, N.V. (1988) *Slovar' russkoy onomasticheskoy terminologii* [Dictionary of Russian onomastic terminology]. 2nd ed. Moscow: Nauka.
13. Arutyunova, N.D. (1988) *Tipy yazykovykh znacheniy: Otsenka. Sobytie. Fakt* [Types of linguistic meanings: Evaluation. Event. Fact]. Moscow: Nauka.
14. Gorshkov, A.I. (2001) *Russkaya stilistika* [Russian stylistics]. Moscow: Astrel': AST.
15. Lyashevskaya, O.N. & Sharov S.A. (2009) *Chastotnyy slovar' sovremennogo russkogo yazyka (na materiale Natsional'nogo korpusa russkogo yazyka)* [Frequency Dictionary of Modern Russian language (on the material of the Russian National Corpus)]. Moscow: Azbukovnik. [Online]. Available from: <http://dict.ruslang.ru/freq.php>. (Accessed: 03 September 2015).
16. Ozhegov, S.I. (1973) *Slovar' russkogo yazyka* [Russian Dictionary]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya.

17. Maksimov, V.I. et al. (1992) *Slovar' perestroyki* [Dictionary of the Perestroika]. St. Petersburg: Zlatoust.
18. Shmeleva, T.V. (1993) Klyuchevye slova tekushchego momenta [Keywords of the moment]. *Collegium*. 1. pp. 33–41.
19. Ul'yanova, I.V. (ed.) (2011) *Muзей velikogo pisatelya v Novokuznetske: annotirovannyi ukazatel' literatury* [Museum of the great writer in Novokuznetsk: annotated index of literature]. Novokuznetsk: MU TsBS im. N.V. Gogolya.
20. Odintsov, V.V. (2006) *Stilistika teksta* [The stylistics of the text]. Moscow: KomKniga.
21. Rozental', D.E. (2005) *Russkiy yazyk. Spravochnik-praktikum* [Russian language. A Manual]. Moscow: ONIKS 21 vek: Mir i Obrazovanie.
22. Solganik, G.Ya. (2003) Publitsisticheskiy stil' [Journalistic style]. In: Kozhina, M.N. (ed.) *Stilisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [Stylistic encyclopedic dictionary]. Moscow: Flinta: Nauka.
23. Duskaeva, L.R. (2003) Yazykovo-stilisticheskie izmeneniya v sovremennykh SMI [Linguistic and stylistic changes in modern media]. In: Kozhina, M.N. (ed.) *Stilisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [Stylistic encyclopedic dictionary]. Moscow: Flinta: Nauka.
24. Esin, A.B. (2002) Kul'tura kak sistema tsennostey. Emotsional'no-tsennostnye orientatsii [Culture as a system of values. Emotional and value orientations]. In: Esin, A.B. *Literaturovedenie. Kul'turologiya: Izbrannye trudy* [Literary and Cultural Studies: Selected Works]. Moscow: Flinta: Nauka.